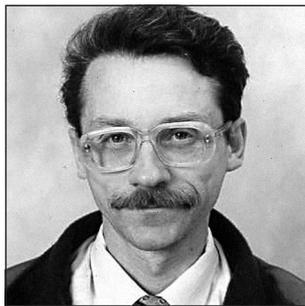

И мело ли место влияние имяславия на развитие математики?¹

В.А. БАЖАНОВ

В статье рассматривается один из аспектов эвристического влияния философских идей на развитие науки, а именно, возможность стимулирования создания дескриптивной теории множеств в рамках московской математической школы (ММШ) таким религиозно-мистическим течением начала XX в., как имяславие. Реализация этой возможности утверждается Л. Грэхемом и Ж.М. Кантором в книге «Именование бесконечности. Истинная история религиозного мистицизма и математического творчества» (2009). При этом они выражают уверенность, что французские математики, придерживавшиеся традиций рациональности, не смогли этого сделать в силу ограничений, которые накладывались на их творчество рационализмом. Авторы статьи приводят ряд аргументов, говорящих в пользу ложности такого утверждения. Точка зрения Грэхема и Кантора на то, что мистицизм, характерный для имяславия, придавал особую свободу творчества представителям ММШ, опровергается конкретными фактами.

Ключевые слова: математическое творчество, имяславие, рационализм, мистицизм, операция именования, наука, религия.

¹ Работа В.А. Бажанова поддерживалась РГНФ, проект № 10-03-00540 а, и частично ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 (мероприятие 1.3).

ВЛИЯНИЕ ИМЯСЛАВΙΑ НА РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ

Дискуссия об эвристическом значении философских идей для развития науки время от времени возобновляется. Оказывают ли философские идеи какое-то влияние на развитие науки (если да, то какое)? Способны ли вообще философские идеи каким-то образом стимулировать рождение новых научных концепций? Дискуссия то утихает, то возобновляется с новой силой². Поводы для новой стадии этой достаточно продолжительной и важной дискуссии регулярно происходят.

Одним из них можно считать выход книги известного американского философа и историка науки, хорошо знакомого русскоязычным читателям благодаря его трудам, посвященным анализу развития науки в России и СССР, Л. Грэхема и его французского коллеги Ж.М. Кантора под интригующим названием «Именование бесконечности. Истинная история религиозного мистицизма и математического творчества»³. Авторы книги настойчиво проводят мысль, что создание дескриптивной теории множеств академиком Н.Н. Лузиным и вообще развитие Московской математической школы, которое позволяет говорить о «золотом периоде», небывалом и уникальном расцвете математики в нашем отечестве, – связано с тем, что основатели этой школы академики Д.Ф. Егоров и Н.Н. Лузин являлись убежденными имяславцами – последователями учения, которое имело прочные философские корни. Речь идет о движении почитателей имени Божия, начавшемся в русских монастырях Афона в 1909–1913 гг.⁴ и представленном такими мыслителями, как о. Павел Флоренский и А.Ф. Лосев, утверждавшими важность операции именования для познания, а в имяславии они усматривали наиболее совершенную форму выражения сущности православия. Как известно, о. П. Флоренский учился математике, был знаком и даже довольно тесно общался с Егоровым и Лузиным.

Имяславие и в своем философском, и в религиозном аспекте тяготеет к мистицизму. По мнению Грэхема и Кантора, мистическое содержание имяславия делало Егорова и Лузина существенно более свободными от принятых в математическом сообществе стереотипов и установок, типичных для рационализма (особенно если иметь в виду их ближайших по тематике французских коллег).

² Так, последняя волна дискуссии была вызвана в нашей стране заменой кандидатского экзамена по философии на экзамен по истории и философии науки. Сторона, отрицающая возможность влияния философских идей на развитие науки, выступала за полное исключение даже намеков на философские дисциплины из плана подготовки аспирантов и соискателей ученых степеней.

³ *Graham L., Kantor J.M.* Naming Infinity. A True Story of Religious Mysticism and Mathematical Creativity. Cambridge, MA; L. : The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. P. xi+239 incl. 36 ills.

⁴ Архиепископ Иларион (Алфеев). Имяславие // Православная энциклопедия. Т. XXII. Ик–Ин. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 457.

В этой книге и ряде своих статей⁵ Грэхем и Кантор провозглашают, что в самой сердцевине Московской математической школы находится «мистический религиозный фундамент», что религия играла первостепенную роль в пионерских работах Егорова, Лузина и (даже! – В.Б.) его учеников, что о. П. Флоренский заразил идеями имяславия этих выдающихся математиков и они переложили эти идеи на математический язык (*parlance*). Уподобление операций «называния» множеств именованию Бога, которое предполагают Грэхем и Кантор, выглядит явно искусственным, не имеющим отношения к истокам и развитию идей этой школы⁶.

Действительно ли Грэхему и Кантору удалось обнаружить скрытые доселе источники математического творчества, которые непосредственным образом связаны с философскими представлениями, лежащими в основе имяславия (в духе номинализма)? Действительно ли математическое творчество Лузина и его последователей питалось нетривиальными идеями имяславия, которое возникло среди афонских монахов в начале XX в. и получило – несмотря на отчаянное сопротивление высших православных иерархов – некоторое распространение среди монашества и интеллигенции, а затем новым советским режимом было окончательно искоренено каленым железом?

Если ответы на данные вопросы положительны, то одна из сторон дискуссии, признающая факт решающего воздействия философских идей на развитие науки, получает весьма веские аргументы в свою пользу.

Вряд ли можно отрицать факты влияния (при определенных условиях и в определенные периоды) философских идей на генезис и развитие научных концепций. Более того, с утверждением о том, что религиозность носителей научного знания (Егорова и Лузина) в определенной степени способствовала развитию математики, можно согласиться. Но только в той его части, которая касается влияния религиозного мировоззрения на формирование личностных качеств ученого (самоотверженный труд, вера в конечный результат и смирение), необходимых для проведения упорного исследования. По словам архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), у верующих ученых «ум с сердцем находятся в ладу»⁷. Другое дело – переложение идей имяславия на математический язык. Это суждение более чем сомнительно.

⁵ См., например: *Graham L., Kantor J.M.* Russian Religious Mystics and French Rationalists: Mathematics, 1900–1930 // *Bulletin of the American Academy*. Spring, 2005. P. 12–18.

⁶ См.: *Геронимус А., Демидов С.С., Паришин А.Н.* Некоторые замечания к статье Л. Грэхема и Ж.М. Кантора // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2006. № 3. С. 82.

⁷ *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. М.: ОБРАЗ, 2008. С. 36–37.

ВЛИЯНИЕ ИМЯСЛАВИЯ НА РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ

Между тем идея Грэхема и Кантора, согласно которой имяславие сыграло решающую роль в разработке Лузиным и его учениками дескриптивной теории множеств, – идея, безусловно центральная для их книги, представляется нам красивой, элегантной, притягательной, но настолько, насколько и *ошибочной*. Увы, далеко не всякая красивая идея имеет шанс соответствовать истинному положению вещей. Недостаточно высказать идею и тем самым присвоить имя некоторому событию и/или множеству вещей с тем, чтобы это событие и/или множество вещей приобрели модус реального существования. Именно в этом процессе, который относится к аналогиям между посылкой имяславия (имя Бога есть сам Бог)⁸ и процедурами получения так называемых именованных (и иных) множеств в работах Лузина, Грэхем и Кантор усматривают ключевой момент, позволяющий утверждать, что религиозный мистицизм оказался в высшей степени эвристически насыщенным и плодотворным в случае Московской математической школы. Речь идет о том, что некоторые семейства множеств создаются посредством определений (акт «творения» математиками множеств), а имяславцы творят Бога посредством поклонения его имени.

Постараемся привести аргументы в пользу того, что в данном случае философская по своей сути идея (выраженная в имяславии) в реальности для создания дескриптивной теории множеств Лузина сколько-нибудь важного (или вообще!) значения не имела.

1. В концепции Грэхема и Кантора ключевую роль играет о. Павел Флоренский, который некоторое время учился математике (расставшись с ней после окончания университета по обретению сана священника) и был хорошо знаком с основателями Московской математической школы, будущими академиками Д.Ф. Егоровым (он, впрочем, был избран лишь почетным академиком) и Н.Н. Лузиным.

О. Павел Флоренский действительно в определенный период своей жизни являлся сторонником имяславия. Однако весьма осторожным сторонником. настолько осторожным, что никогда при своей жизни под своим именем ничего не опубликовал в поддержку имяславия. Более того, он не решился подписать предисловие к книге о. Антония (Булатовича), активного имяславца, «Апология веры в Божественность Имен Божьих и Имени Иисуса (Против ижеборствующих)»⁹, в которой о. Антоний провозглашал, что истое христианство и церковь всегда стояли на почве идеализма в решении всех вопросов

⁸ Подробнее об имяславии см.: Имяславие. Антология. М., 2002; *Архиеп. Иларион (Алфеев)*. Имяславие // Православная энциклопедия // Т. XXII. Ик–Ин. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 457–494; *Гурко Е.Н.* Божественная ономаология: Именование Бога в имяславии, символизме и деконструкции. Минск: Экономпресс, 2006.

⁹ *О. Антоний (Булатович)*. Апология веры в Божественность Имен Божьих и Имени Иисуса (Против ижеборствующих). Литография. М., 1912.

вероучения и жизни. Напротив же, псевдо- и антихристианство и инославие всегда держались номинализма и рационализма. Таким образом, имяславие по замыслу его сторонников явно тяготело к реализму (как оппозиции номинализму¹⁰ – если использовать терминологию, типичную для средневековой философии). В области оснований математики, стало быть, речь шла о платонизме, который обычно был (и остается) присущ большинству активных математиков, задумывающихся об основаниях своей науки и модусе «существования» объектов математической реальности и ее познании.

Будучи профессором Московской духовной академии, о. П. Флоренский, несмотря на упорные и неоднократные просьбы о. Антония (Булатовича), никоим образом не помог напечататься имяславцам в «Богословском вестнике», который издавался академией. В «Богословском вестнике» так и не появилось ни одного материала, который хоть как-то представлял точку зрения имяславия.

При этом «имяславие у священника П. Флоренского, – справедливо утверждает Иларион (Алфеев) вслед за Лескиным, – “спокойнее по тону”, чем “бойцовское” богословие Булатовича, но “намного радикальнее по существу”»¹¹. В публичных выступлениях о. Павел поддерживал имяславие (сохранился полный текст его доклада «Об имени Божиим», прочитанного 18 июля 1921 г. в храме св. Николая). В 1921–1922 гг. он написал статью «Имяславие как философская предпосылка»¹², но большая часть его рассуждений об имяславии при его жизни не была опубликована.

Более того, Грэхем и Кантор заявляют, что о. П. Флоренский был пионером в распространении теоретико-множественных представлений в России. Это не совсем так.

Известный математик и деятель в области математического образования профессор Казанского (а затем Петербургского и Московского) университета А.В. Васильев (1853–1927) еще в 1895–1897 гг. переписывался с основателем теории множеств Г. Кантором¹³, высоко ценил и пропагандировал его идеи¹⁴. Этим же занимался в конце XIX – начале XX в. В.Л. Некрасов. С.О. Шатуновский (1859–1929)

¹⁰ Правда, Л. Грэхем и Ж.М. Кантор утверждают, что имяславцы – номиналисты, а имяборцы – антиноминалисты (т.е. реалисты? – В.Б.). См.: *Graham L., Kantor J.M. Russian Religious Mystics and French Rationalists: Mathematics, 1900–1930 // Bulletin of the American Academy. Spring, 2005. P. 15.* Впрочем, представляется, что ситуация здесь сложнее, чем та, которая может быть осмыслена в терминах оппозиции номинализма и реализма.

¹¹ Православная энциклопедия. Т. XXII. Ик–Ин. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С. 482.

¹² Там же.

¹³ См.: *Бажанов В.А. История логики в России и СССР. М.: Канон+, 2007. С. 176–177.*

¹⁴ См.: *Колмогоров А.Н., Юшкевич А.П. Послесловие // Г. Кантор. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. С. 378.*

ВЛИЯНИЕ ИМЯСЛАВΙΑ НА РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ

в 1901–1902 гг. высказывал и обосновывал сомнение в применимости закона исключенного третьего к бесконечным множествам¹⁵, а в 1907 г. была опубликована книга И.И. Жегалкина (1869–1947) «Трансфинитные числа»¹⁶, а еще в 1902 г. вышла книга А.В. Васильева «Введение в анализ», где затрагивались вопросы теории множеств. Кстати, эта книга (только второе ее издание 1908 г.) и книга Жегалкина упоминаются о. П. Флоренским в его классическом труде «Столп и утверждение истины»¹⁷.

Конечно, не стоит умалять и значения П. Флоренского, уделившего в своей кандидатской диссертации большое внимание популяризации идей Кантора, Бореля и Дедекинда¹⁸, хотя влияния на развитие идей теории множеств в России эта работа не оказала. Д.Ф. Егоров вообще относился к математическим трудам Флоренского крайне критически, а Н.Н. Лузин их просто не замечал¹⁹. Вместе с тем нельзя упускать из виду и особенно важную в данном случае *хронологическую последовательность эволюции мировоззренческих взглядов* богослова и математика. Диссертация Флоренского появилась в 1903 г., когда имяславия еще не было и в проекте, задолго до появления идеи имяславия и уж тем более имяславческого спора. Поэтому, если уж в этом случае устанавливать причинно-следственные связи философии и математики, то правильнее сказать, что математические исследования П. Флоренского стимулировали его философские и богословские изыскания, а не наоборот.

2. Егоров был действительно близок с имяславцами и лидер имяславцев о. Давид (Мухранов) был даже его духовным отцом, но при этом свои мировоззренческие взгляды Дмитрий Федорович никак не связывал с научными. Он не допускал смешения метафизики и науки. Будучи глубоко верующим человеком, Дмитрий Федорович считал область веры делом личным: ни на одной из своих лекций он не касался не только религиозных, но даже и философских вопросов. Более того, и до и после революции, как свидетельствуют его современники, ученый считал недопустимым включение какой бы то ни было идеологии в математику. Егоров полагал, что математика является самодостаточной наукой и не нуждается ни в философском, ни в религиозном «подкреплении».

Своими мировоззренческими взглядами он делился лишь с некоторыми друзьями и учениками, в частности с А.Ф. Лосевым, Н.Н. Лузиным. В одном из писем студенту Лузину он писал: «Мне думается,

¹⁵ См.: Бахмутская Э.Я. О ранних работах С.О. Шатуновского по основаниям математики // Историко-математические исследования. М.: Наука, 1965. Вып. 16. С. 207–216.

¹⁶ Жегалкин И.И. Трансфинитные числа. М., 1907.

¹⁷ В факсимильном издании этой книги (М., 1990, Т. 1, вып. 2) они упоминаются на с. 792.

¹⁸ Флоренский П.А. Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерпцания» // Историко-математические исследования. 1986. Вып. 30. С. 162–168.

¹⁹ См.: Геронимус А., Демидов С.С., Паршин А.Н. Указ. соч. С. 81.

что научная работа, ее направление и даже вкусы в этой области не должны бы зависеть от мирозерцания. Мирозерцание само по себе, а наука сама по себе!»²⁰ Лузин принял всей душой этот завет своего учителя. Через несколько лет уже своих учеников он будет наставлять примерно такими же словами: «Метафизика отделена от науки непроницаемой стеной. Между ними нет никаких связей. В метафизике может быть застой, а может быть расцвет и бурная, кипучая активность. Ни в том, ни в другом случае это не окажет ни малейшего влияния на процессы, происходящие в науке»²¹.

3. Грэхем и Кантор утверждают факт глубокого воздействия взглядов о. П. Флоренского (как математика!) на отечественную математику, особенно на научное творчество Егорова и Лузина. Однако никаких документальных свидетельств не приводится. И это понятно, поскольку Флоренский строил математические модели исключительно с целью прояснить некоторые теологические понятия. Как известно, Флоренский сразу же после получения математического образования выбрал стезю богословия. В его фундаментальном произведении «Столп и утверждение истины» хотя и затрагиваются теоретико-множественные представления, но не делается никаких попыток их развить, так сказать, в собственно математическом направлении; эти представления используются лишь с целью разъяснения ряда богословских идей.

Переписка Флоренского с Егоровым и Лузиным носила характер личной, духовной поддержки и, если хотите, общекультурной, но никак не характер обсуждения животрепещущих математических проблем (а таковых в начале XX в. было немало!). Короче говоря, утверждение о глубоком воздействии о. П. Флоренского как математика на отечественных коллег выглядит голословным. То обстоятельство, что и Д.Ф. Егоров, и в зрелые годы Н.Н. Лузин были верующими людьми, что никоим образом не отражалось на их математической деятельности, а Д.Ф. Егоров даже специально подчеркивал недопустимость каких-либо «идеологических» привнесений в научные труды²², – это обстоятельство не может служить аргументом в пользу того, что их религиозные воззрения каким-то (чудесным) образом повлияли на создание дескриптивной теории множеств.

Положение Грэхема и Кантора о том, что имяславие удивительным образом раскрепощает математическое творчество (а рационализм, характерный для выдающихся французских математиков, яко-

²⁰ Письма Д.Ф. Егорова к Н.Н. Лузину // Историко-математические исследования. 1980. Вып. 25. С. 338.

²¹ Бескин Н.М. Воспоминания о Московском физмате начала 20-х годов // Историко-математические исследования. 1993. Вып. 34. С. 173.

²² См.: Демидов С.С. Профессор Московского университета Дмитрий Федорович Егоров и имяславие в России в первой трети XX столетия // Историко-математические исследования. Вып. 4 (39). М.: Янус-К, 1999. С. 135.

ВЛИЯНИЕ ИМЯСЛАВИА НА РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ

бы не сумевших возвыситься до новой математической теории, наоборот, закрепощает), – это положение, которое является одной из опорных точек книги, оказывается не подкрепленным сколько-нибудь вескими (и вообще) аргументами.

4. Идея Грэхема и Кантора о влиянии имяславия на развитие Московской математической школы в целом является неверной, поскольку свидетельствует о хронологически рассогласованном их видении последовательности событий. Действительно, истоки Московской математической школы уходят еще в XIX в. (идеи Н. Бугаева, например²³), а первые ее существенные результаты связаны с доказательством теорем об измеримых функциях Егоровым и Лузиным, которые были получены еще в 1911 г.²⁴ Начало распространения имяславского движения за стены Афона началось позднее – его следует датировать не ранее 1912–1913 гг., когда появились первые публикации на эту тему (в журналах «Русский инок», «Новое время» и «Колокол»²⁵).

5. Наконец, о самом, кажется, важном: являлся ли родоначальник дескриптивной теории множеств Н.Н. Лузин имяславцем и играло ли последнее значительную роль в его математическом творчестве?

Каких-либо документальных свидетельств о том, что Лузин являлся сторонником имяславия, не имеется. Во всяком случае в его рукописном и академическом наследии такие свидетельства не обнаружены. Грэхем и Кантор заявляют, что Лузин был уверен в связи математики и религии, но не мог рассуждать об этом открыто из-за враждебного отношения большевистского режима к религии вообще и его собственного окружения в частности. Однако, быть может, существуют косвенные данные, касающиеся его приверженности к имяславию и убежденности в связи религии и математики? Таковых, по нашему мнению, не предъявлено и до сих пор не обнаружено. Более того, можно со значительно большей уверенностью утверждать, что истоки математического творчества Лузина следует искать в трудах его французских учителей и коллег, с которыми он долгое время совместно работал (как в период своей заграничной «стажировки», так и во время самостоятельной деятельности в Москве), а вовсе не в русском религиозном мистицизме.

П. Дюгак в своих письмах к А. Лебегу, с которым Н.Н. Лузин тесно сотрудничал, писал: «Разве не Лузин реализовал в Москве французское направление в науке...? Из всех советских математиков, труды

²³ См.: Демидов С.С. Н.В. Бугаев и возникновение московской школы теории функций действительного переменного // Историко-математические исследования. 1985. Вып. 29. С. 113–124; Колягин Ю.М., Саввина О.А. Указ соч. С. 100–130.

²⁴ См., например: Богачев В.И. К истории открытия теорем Егорова и Лузина // Историко-математические исследования. 2009. Вып. 13 (48).

²⁵ Среди первых публикаций: Архиеп. Антоний (Храповицкий). Письмо в редакцию // Русский инок. 1912. Август. № 15; И.А. Вести с Афона // Русский инок. 1912. Ноябрь, № 21–22; Иволгин С. Об Афонском волнении и догматических спорах // Новое время. 11.04.1913. № 13 320, и др.

которых, по крайней мере частично, были навеяны источниками французского происхождения, Лузин был наиболее представительным.

Его главный труд “Аналитические множества” был опубликован в знаменитой серии математических монографий. В этой работе Лузин показал себя как наиболее сильный последователь Бэра. Лузин основывает на идее Лебега свою фундаментальную теорию решетчатых множеств, он связывает с концепциями Бореля свои глубокие исследования по трансфинитам.

Таким образом, именно от этих трех основателей современной французской школы Лузин ведет свои исследования, гениальной оригинальностью которых восхищаются и которая признана во всех странах с высокой математической культурой»²⁶.

Если Лузин и верил в независимое существование математических объектов (в духе платонизма), то это никак непосредственно не отражалось на его математическом творчестве. Более того, следуя по пути, начертанному его французскими учителями и коллегами, Лузин работал в традициях так называемого эффективизма (иногда именуемого полуинтуиционизмом) и развивал эти традиции, заложенные как раз французской школой теории функций и множеств, ядро которой составляли Э. Борель, Р. Бэр и А. Лебег. Эффективизм был вызван к жизни недовольством крайней абстрактностью канторовской теории множеств (философские воззрения Г. Кантора уверенно могут быть охарактеризованы в терминах платонизма или же, несколько иными словами, аристотелевского реализма). Центральные абстракции канторовской теории множеств – актуальная бесконечность, трансфинитная индукция и т.п. – в эффективизме переосмысливались под углом зрения принципов эмпиризма. Это означало, что допустимые в эффективизме абстракции проходили проверку на их определенность (выразимость) и индивидуацию. «Поэтому вовсе не случайно эффективисты в качестве реальных множеств признавали только счетные (как доступные опыту), а все другие (трансфинитные) рассматривали (еще до гильбертовского формализма) как идеальные объекты, возможно, полезные (в качестве символов) для классификации математических реалий, но лишённые эмпирического содержания. В итоге главной философской заслугой эффективизма является *конструктивное* (выделено мной. – В.Б.) осмысление континуума без ясной идеи самих конструктивных методов. По существу эффективизм и положил начало осознанию важности этих методов в математике», – тонко и совершенно справедливо замечает М.М. Новоселов²⁷. Действительно, дескриптивная теория множеств решает

²⁶ Дюгак П. «Дело» Лузина и французские математики // Историко-математические исследования. Вып. 5 (40). М.: Янус-К, 2000. С. 138–139.

²⁷ Новоселов М.М. Эффективизм // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 487.

ВЛИЯНИЕ ИМЯСЛАВИЯ НА РАЗВИТИЕ МАТЕМАТИКИ

вопросы эффективного определения математических объектов и разрешимости математических проблем. Таким образом, симпатии Лузина были на стороне вовсе не платонизма, а безусловно склонялись в сторону того, что чуть позже получило название конструктивизма.

Здесь уж никак не до «мистицизма», который, согласно Грэхему и Кантору, был присущ имяславию и раскрепощал математическое творчество. Оно у Лузина по-прежнему протекало как образцовая рациональная деятельность, развивавшая идеи французской школы теории функций и множеств и позволившая совершить качественный прорыв в виде дескриптивной теории множеств.

Идея обусловленности рождения дескриптивной теории множеств имяславием оказалась своего рода откровением и для тех, кто тщательно изучал архивные материалы, касающиеся Н.Н. Лузина. Так, Р. Кук – большой знаток истории математики в России и СССР, который занимался изучением его архива, пишет, что ничего намекающего на имяславию в этом архиве он не усмотрел (что, впрочем, не воспрепятствовало его осторожному принятию данной фантастической идеи)²⁸. Предпринятые нами попытки обнаружить документы о причастности Лузина к имяславию в личном фонде ученого, хранящемся в Архиве РАН, не дали результатов²⁹.

Даже в яростной кампании против Лузина, развернутой большевиками и, увы, членами Лузитании (непосредственными учениками ученого), в доносах Э. Кольмана, в то время заведующего отделом науки Московского комитета ВКП(б), ни слова не говорилось не то что об имяславии – даже религиозности Лузина. Уж эти люди не преминули бы вовлечь в антилузинскую кампанию эти аргументы (как они не побрезговали обвинить своего учителя в плагиате, а Кольман – даже в том, что Лузин получал инструкции от самого Гитлера!). Совершенно очевидно, что инспирированный Сталиным план «реформирования» советской науки, которая не должна преклоняться перед буржуазными авторитетами, умело использовали ученики ученого с тем, чтобы расчистить себе место «под солнцем». Из повествования Грэхема и Кантора же вытекает, что Лузин и его друзья (кто это?) были подвергнуты каре не в последнюю очередь по причине обсуждения ими жгучих проблем имяславия.

Да и все грубо сфабрикованное дело так называемого Всесоюзного и административного центра контрреволюционной церковно-монархической организации «Истинно-православная церковь», по которому проходил Д.Ф. Егоров (причастный к имяславию), фактически обходило стороной проблему имяславия³⁰. Таким образом, даже под

²⁸ Cooke R. Naming Infinity // The Mathematical Intelligencer. 2009. Vol. 32, № 1. P. 63.

²⁹ Речь идет о фонде 606 (Лузин Николай Николаевич) в Архиве РАН, содержащем 792 дела.

³⁰ По этому делу проходили самые различные люди, бесконечно далекие от имяславия, даже, например, крупный отечественный философ и богослов В.И. Несмелов (см.: Бажанов В.А. История логики в России и СССР. М.: Канон+, 2007. С. 103).

пристальным взглядом сотрудников ОГПУ (а потом НКВД), выскивающих любые предлоги для репрессий (а в отсутствие таковых выдумывающих их), тема имяславия осталась за кадром.

6. Одним из первых мысль о том, что имяславие сыграло какую-то роль в разработке дескриптивной теории множеств, высказал С.С. Демидов, но он подчеркнул, что это не более чем гипотеза, и к обсуждению ее следует подходить «осторожно, с большим тактом, не теряя чувство меры», что здесь вряд ли можно ожидать сенсационных результатов³¹. Тем не менее Грэхем и Кантор ради сенсации проявили неосторожность и явно потеряли чувство меры. (Из 239 страниц их книги обсуждению собственно центральной идеи посвящено от силы десятков страниц! Остальной текст посвящен пространным рассуждениям о том, что такое имяславие, каковы особенности математики во Франции и т.п.) О потере чувства меры и такта говорят и рассуждения авторов о якобы нетрадиционной сексуальной ориентации ряда выдающихся советских математиков (как это вообще соотносится с темой, касающейся имяславия?!).

Л. Грэхем и Ж.М. Кантор недостаточно восприимчивы к критике. Так, за несколько лет до выхода их книги ее стержневые идеи были опубликованы в журнальном варианте³², который сопровождался довольно подробными критическими комментариями протоиерея А. Геронимуса, С.С. Демидова и А.Н. Паршина³³. Однако эти замечания услышаны авторами не были. Надо полагать, они остались слишком завороченными своей идеей обусловленности возникновения и достижений Московской математической школы имяславием.

Поиск философской, социальной и политической обусловленности научных открытий является важной и нетривиальной задачей. Предложенное в книге Грэхема и Кантора ее решение для случая Московской математической школы начала XX в. оказалось, к сожалению, малоудачным. Тем не менее это вовсе не означает, что экстернализм как направление в современной философии науки исчерпал свои возможности. Отнюдь. Это означает лишь то, что рассуждения о социально-политических предпосылках тех или иных научных открытий и направлений требуют более тонкого и взвешенного подхода.

Автор признателен С.С. Кутателадзе (Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН) и Г.М. Полотовскому (ННГУ) за высказанные замечания и соображения, стимулировавшие работу над статьей.

³¹ Демидов С.С. Указ. соч. С. 148.

³² Грэхем Л., Кантор Ж.М. Два подхода к оценке математики как феномена культуры: Франция и Россия, 1890–1930 // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 3.

³³ Геронимус А., Демидов С.С., Паршин А.Н. Указ. соч.